

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть третья. ДЕМОНОВ ГРАД (продолжение)</i>	7
Глава восьмая.....	9
Глава девятая.....	47
Глава десятая.....	78
Глава одиннадцатая.....	112
Глава двенадцатая.....	135
Глава тринадцатая.....	163
Глава четырнадцатая.....	187
Глава пятнадцатая.....	204
Глава шестнадцатая.....	235
Глава семнадцатая.....	258
Глава восемнадцатая.....	281
Глава девятнадцатая.....	307

Посвящается «Жребию Салема»

— ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ —

ДЕМОНОВ

ГРАД

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Кёко?! — вскрикнул Сэйсин, когда услышал, что сказал ему Тосио. — Как она?

— Плохо, — тихо ответил тот. По его голосу чувствовалось, как он себя корит. Врач насмешливо добавил: — В общем, наши дома — не исключение. Так что осторожнее.

— Да, конечно. Я по...

— Правда понимаешь? Я утром звонил Симояме.

— Рентгенологу?

— Да. Он внезапно уволился... когда? По-моему, на следующий день после похорон Тоору. И мне вдруг про это вспомнилось, так что я решил позвонить.

Сэйсин вздрогнул.

— Он умер. Девятого числа. Острая сердечная недостаточность.

— Ох...

— Эти твари нас с тобой не щадят. Берегись. И присматривай за близкими.

— Хорошо, — ответил Сэйсин и повесил трубку.

У Кёко проявились симптомы. Да еще и на поздней стадии. Тосио, разумеется, тут же поместил ее в стационар, но даже если немедленно установить за больной круглосуточное наблюдение, неизвестно, как на этом этапе изменится ее самочувствие.

«И Симояма тоже...» — подумал Сэйсин, и вдруг его осенило.

— Суми!..

Суми тоже объявил о том, что уходит, как гром среди ясного неба. Надо позвонить и уточнить, как он себя чувствует. Хотя, возможно, уже слишком поздно.

Тут в кабинет постучали. Сэйсин обернулся и встретился взглядом с незнакомой старухой. Он кивнул ей. Пока пытался припомнить, где мог видеть ее раньше, посетительница уже шагнула внутрь. Смерив его не просто недружелюбным, а прямо-таки враждебным взглядом, встала перед священником, тщедушным телом перегородив ему пути к отступлению.

— Сколько можно?

— Простите?..

— Чем ты тут вообще занимаешься? Вот поэтому официальному храму веры и нет. Тоже мне, священник нашелся!

Сэйсин не знал, что на это сказать, и, пока подбирая слова, появился Мицуо:

— Госпожа Ито! — воскликнул он изумленно. Тут Сэйсин вспомнил ее. Икуми Ито из Прибрежной Сотобы. Чудачка...

Икуми грозно топнула:

— Только не говори мне, что ты так до сих пор и не понял, что творится в деревне!

— Гм... Прошу прощения, но...

— Неупокойники! Это же элементарно!

Сэйсин охнул.

— Это все потому, что мертвых хороните вы! Поэтому они не находят покоя. Потому что ты полная бездарность, и вы все тут в этом бесполезном храме только и думаете, как набить кошельки! А покойные не могут отправиться в следующую жизнь. Что, не понимаешь?

— Госпожа Ито, успокойтесь... — попытался вмешаться Мицуо, но женщина его отпихнула и шагнула к священнику вплотную. Маленькая сухонькая старушка подбородком едва не упиралась Сэйсину в горло.

— Это все пошло от «Канэмасы»! Новые жильцы — зло. С тех пор как они приехали, деревня проклята. Мертвецы больше не уходят, а поднимаются из могил, и несчастье расплозается все дальше. Очнись уже и сделай для деревни хоть что-нибудь!

— Госпожа Ито, подождите минутку, — попытался священник урезонить гостью и примирительно поднял руки, но женщина стукнула его по кистям.

— Сколько еще ты собираешься молча на это смотреть?! Ах да, вам же чем больше покойников — тем лучше! Потому что на каждых похоронах навариваетесь! Недосвященник!

Мицуо оттащил Икуми от Сэйсина:

— Госпожа Ито, что вы себе позволяете?! Следите за словами!

— Я говорю только правду!

— Госпожа Ито!

Старуха гневно ткнула в него пальцем:

— Что, ударишь меня? Вышвырнешь вон? Знаю я ваши методы. Только высасываете из деревни подаяния, пересчитываете денежки и задираете носы! Просто поверить не могу. Вы даже отпеть человека как полагается не в состоянии! Нашелся же на нашу голову молодой настоятель! Притворяется таким добреньким и понимающим, а сам в себе запутался и повеситься хотел!

Мицуо застыл. Сэйсин, в свою очередь, почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Он невольно обхватил часы на запястье.

Да, вся деревня знала... Может, без деталей, но это не так важно. Люди просто ничего не говорили.

— Пишешь какие-то заумные третьесортные книжонки! Привык, что с тебя пылинки сдувают! Если хочешь считаться настоящим священником, пойди и сделай что-нибудь с этими из «Канэмасы»!

— А ну заткнулась!

— Не стоит, Мицуо, — удержал всплывшего помощника Сэйсин. Только теперь он заметил на пороге еще и бледных Икэбэ с Мивако.

Священник перевел глаза на гостью и склонил перед ней голову:

— Возможно, вы правы. — Он предложил Икуми стул. — Присаживайтесь, пожалуйста. Прошу прощения, но вы не объяс-

ните, почему считаете, что всему виной неупокойные, и при чем тут «Канэмаса»?

Икуми фыркнула:

— Да это даже ребенку ясно! Кто еще, как не неупокойники? Все началось, когда в «Канэмасе» построили этот злосчастный дом!

— Нельзя же судить людей по одним догадкам.

— Какие догадки? Это факт. Я так и знала. Ты ничего не хочешь делать. Только расхаживаешь по деревне с важным видом.

— Вовсе нет. Но...

— Хватит отговорок, — перебила его Икуми. — Ты хочешь хоть чем-то помочь деревне или нет?

— Хочу, конечно.

— Тогда идем со мной. Мы вышвырнем их из «Канэмасы». Я покажу как.

— Госпожа Ито, но так нельзя, — попытался образумить ее священник, и Икуми прожгла его взглядом. Что сказать дальше, Сэйсин пока не придумал.

Нельзя давать ей полную волю. Если наброситься на приезжих, руководствуясь лишь домыслами и предрассудками, то потом деревенских ни за что не убедить в истинном положении дел. Чем громче вопит Икуми, тем яростней будут отпираться соседи... Проблема только в том, что Икуми права. Она даже сама не подозревает, насколько точно попала в цель.

— Пожалуйста, успокойтесь. Это правда, что по деревне прокатилась череда несчастий, но почему вы настаиваете, что к этому как-то причастна семья Кирисики? Вы правда считаете, что все закончится, если во всем обвинить их?

— Все ясно, — фыркнула Икуми, даже не скрывая презрения. — Ты прогнил насквозь.

— Послушайте: вы говорите, что это неупокойные, но как это доказать? Может, вы видели кого-то из них своими глазами?

— Я услышала достаточно. — Женщина развернулась и вышла, не обращая внимания на Сэйсина, который пытался ее окликнуть. Он бросился за ней, но его остановили Мицуо и Икэбэ:

— Нельзя, молодой настоятель. Не связывайтесь с ней!

— Но ведь...

— Еще подумают, что вы с ней согласны, и о вас тоже будут говорить дурно. Нельзя впутывать храм в такой скандал.

— Мицуо, ну зачем вы так... — пытался возразить Сэйсин, но помощник только решительно покачал головой:

— Нельзя. Помните о своем положении. Если прихожане решат, что вы с ней согласны, то присоединятся к Икуми. Даже если вы этого не хотели. Не забывайте о том, каким большим влиянием пользуется храм.

— Но... — Сэйсин переводил взгляд между удерживающим его Мицуо и удаляющейся Икуми.

— Она предлагает устроить Кирисики коллективный допрос. И некоторые прихожане с радостью так и сделают, если решат, что храм не против. Умоляю вас, не забывайте об этом.

Сэйсин не нашелся, что возразить. Он вспомнил Такаюки Ооцуку и его горькие слова, что враг храма становится врагом всей деревни.

— Конечно...

Мицуо вздохнул.

Икуми зыркнула на ворота храма и презрительно сплюнула. Никто не видит того, что творится прямо у них под носом. Икуми указывала на очевидные вещи, но ее даже не слушают! Она невольно потеряла синяки. Только ругаются и бьют.

Прищурившись, Икуми уставилась на западную гору. Сквозь густую зелень под потускневшим небом чернела крыша. От гнева, закипающего в ней, руки чесались что-нибудь сломать. Что ж, раз храм решил отмалчиваться, то придется справляться своими силами... Да, так и будет, и больше никто не посмеет смотреть на нее свысока!

Икуми сбегала по каменным ступенькам и принялась колотить во все подряд двери магазинов в Привратной:

— Это все «Канэмаса»! Откройте глаза, наконец!

По дороге домой из строительной фирмы Ацуко Ясумори увидела, как перед Отабисё собирается народ.

Ей стало интересно, что там такое. Перед группкой где-то в шесть человек верещала Икуми Ито:

— Вы же сами прекрасно понимаете, что это неупокойники!

Ацуко вздрогнула. Зловещее слово эхом прозвенело в ушах.

— Ах, что такое? — спросила она, пытаясь протиснуться между старушек. Но Ацуко прекрасно понимала, что имеет в виду Икуми. «То самое», что наводило деревню. То, что убивало строителей. Кажется, где-то в глубине души она сама успела подумать на неупокойных. На демонов, бродящих по деревне.

Среди старичков затесался Гохэй Такэмура. Он раздраженно пожал плечами:

— Говорит, в «Канэмасе» поселились неупокойники.

— Ох! — рассмеялась Ацуко. Но смех даже ей самой показался натянутым. Икуми зыркнула на вновь пришедшую с возмущением:

— Ты же Ацуко из «Маруясу»?

— Да! Добрый день, — улыбнулась Ацуко. — Что у вас такое?

— Ты же сама знаешь! Это демоны. Неупокойные! Ваш дом захватили!

— Страх-то какой!

— Я серьезно! Сколько осталось строителей?

— Ну... — Ацуко почувствовала, как каменеет.

— Их всех перебили! И не только их! Гиити тоже! Как строители кончатся, придет ваш черед! Посмотрим, как ты тогда посмеешься!

— Прекратите! Сглазите!

— Сглажу? Это чистая правда! С вами будет все то же самое! Я-то знаю. Токудзиро скоро умрет. А потом придет черед лесопилки. Сначала умрет жена, потом сын. Все как у строителей.

— Бросьте свои шутки! — рассердилась Ацуко и пошла прочь. А Икуми кричала ей вслед:

— Надо выгнать их из «Канэмасы», а не то все так и будет! Как вы не понимаете, а? Хоть кто-нибудь видел их при свете дня?

Ацуко на миг застыла, но затем продолжила путь, втайне прислушиваясь, что еще скажет эта сумасшедшая.

Тосио так удивился, что в недоумении посмотрел на трубку.

— Ну-ка постой. Повтори еще раз. Сэйсин, что ты сказал?

— Я говорю, — тихо, как будто боялся, что его услышат, зачастил священник, — что в храм приходила Икуми. Она утверждает, что это все неупокойные и что они пошли от «Канэмасы».

— Ушам не верю... И почему она так решила?

— Она «просто знает». По-моему, она собирается в «Канэмасу», чтобы все у них расспросить.

— Охренеть, — выдал Тосио.

Только не это. Если в их борьбу сейчас вмешается эта оглашенная, потом никому не докажешь, что все ровно так на самом деле и обстоит. Как только ее проповеди разлетятся по деревне, Тосио может потом хоть в лепешку расшибиться и приводить сколько угодно неопровержимых аргументов — от него будут просто шарахаться.

Но едва врач хотел предложить хоть что-то дельное, как со стороны регистратуры донеслись пронзительные крики. Там так голосили, что долетало даже до переговорной.

— Похоже, она здесь... Кажется, бабка собралась проповедовать на всю деревню.

Что именно кричит Икуми, Тосио не разобрал. Но отдельные слова — «демоны», «неупокойники» — до него долетали. Врач бросил трубку и поспешил на шум. Ему навстречу выбежал раскрасневшийся Муто:

— Доктор!..

— Да, я слышу.

Тосио припустил к регистратуре, где Икуми вещала с пеной у рта. Пациенты и пациентки смотрели на нее недоуменно или даже неловко. А за спиной у старухи выстроились трое последователей, которые буквально сгорали от любопытства. Тосио охватило отвращение. Они ей не то чтобы верили, но ужасно хотели знать, чем все закончится.

— Вы, наверное, думаете, что простудились, а это не так. В больнице вас не вылечат! Очнитесь уже! Ходите не ходите — вы все умрете, и вас отнесут в горы!

Тосио застонал. Да, она говорила чистую правду, но делала это так, что хуже не придумаешь!

— Госпожа Икуми, прошу вас, без антинаучных агитаций.

Старуха обернулась на него:

— А вот и шарлатан пожаловал!

— Думайте обо мне что хотите, но вы в больнице. Сохраняйте тишину. Или вы даже таких элементарных вещей не понимаете?

— Кто тут еще чего не понимает! Вылечить никого не может, а строит из себя врача! Если это больница, то почему тут никого не вылечили?

— Я разве отрицал, что бывают неизлечимые больные? А вы, кажется, пытаетесь всех убедить, что не бывает излечимых.

— Фе! Да с первого взгляда понятно, что лечится, а что нет. Это все началось с «Канэмасы». Как только все это поймут, заразе конец. И больше никому не придется хоронить родных!

Тосио пристально поглядел на Икуми. Дура душой, но ухватила самую суть. Может, и стоит пустить все на самотек...

— Ну и? Как предлагаете поступить с «Канэмасой»? Вы же не думаете, что они разбегутся от ваших наговоров?

Среди пациентов пронеслось несколько смешков. Икуми смерила Тосио убийственным взглядом. Тот лишь улыбнулся в ответ. Пожалуй, стоит спровоцировать старуху. Натравить эту ненормальную на особняк. Пусть попробует вытащить жильцов из дома и вытрясти из них всю подноготную. Раз сама не осмеливается, так Тосио ее подтолкнет. Только никто из обитателей особняка к ней не выйдет. Разве что Тацуми. Ему Икуми наверняка устроит некое подобие экзорцизма — может, это даже приведет его в замешательство... Старуха ведь попала в самое яблочко. Если все пройдет гладко, то деревенским получится наглядно доказать, что новые жильцы — не обычные люди.

— Мне почему-то думается, что вы в состоянии изгонять разве что ящериц и тараканов.

— Ты ничего не понимаешь! Хватит издеваться!

— Знаете что, Икуми? Можете думать что хотите, тут вам никто запретить не в силах. Но неупокойники и демоны — это просто пережитки деревенских суеверий. Они не могут отправить человека в больницу. И вообще, что там, по-вашему, «началось» с «Канэмасы»? Вы что, считаете, что они сами неупокойные?

— Демоны. Неупокойники. Они порождают демонов.

— Вот это да. Я встречался с их слугой, он мне мертвым не показался. Пожалуй, поживее вас будет.

— Это только кажется. Но на самом деле они все демоны. Ожившие покойники.

— И что, живые мертвецы средь бела дня разгуливают? Потому что я встречался с Тацуми именно днем.

— И днем, наверное, тоже. Только кроме него больше никто днем не выходил! Остальные под солнцем не бродят, потому что мертвые они!

Мысленно Тосио отметил: «Бинго, госпожа Икуми!»

— И тень он вроде отбрасывал, вполне себе веселый молодой человек. Как вы докажете, что он якобы мертвый? Помашете на него гохэем¹ и с волка тут же слезет овечья шкура?

— Да! — Икуми гордо расправила плечи.

Тосио рассмеялся:

— Не, ну воля ваша, дерзайте. Тогда все сразу станет яснее некуда. Хотя я что-то сомневаюсь, что у Кирисики есть на вас время.

— Мне плевать, что у них там есть — их надо просто выволочь на солнце. Мы им покажем, что в деревне живут не одни идиоты, которых можно обвести вокруг пальца!

— Ага. Значит, собираетесь всей толпой на них навалиться, вытащить из дома и устроить выволочку? Не завидую господину Кирисики, — резюмировал Тосио, и Икуми довольно хохотнула:

— Я стараюсь ради деревни. Я их вытряхну из дома и всем покажу, кто они такие на самом деле!

¹ Гохэй — деревянный жезл, к концу которого прикреплено несколько полосок бумаги, атрибут очищающих практик синтоизма.

— Так что же вы здесь время теряете и языком мелете? Приступайте поскорее. А я пока продолжу прием больных. Но если вдруг господин Киросики прислушается к вашим бредням, позовите. Я хоть пульс померю господам из «Канэмасы», а там и посмотрим, живы они или мертвы.

Икуми бросила на Тосио еще один испепеляющий взгляд.

— Увидим! — крикнула она и развернулась к выходу. У пары пациентов, сидевших рядом, любопытство, видимо, перевесило страх, и они потянулись за ней. Остальные, в недоумении раскрыв рты, смотрели процессии вслед. Некоторые колебались, к какой группе примкнуть, и Тосио им улыбнулся:

— Если интересно, ступайте. Проследите, чтобы госпожа Икуми там дров не наломала.

Еще трое поднялись и вышли через стеклянные двери.

Тосио проводил их веселым взглядом.

3

Юки услышал снаружи шум, когда работал в мастерской. Ему стало интересно, что происходит, и он вышел на порог. Выше по склону собралась небольшая толпа людей.

— Что такое? — полюбопытствовала Адзуса, тоже выходя наружу. Она даже не вытерла руки от краски.

— Черт его знает, — пробормотал Юки и решил посмотреть поближе. Метрах в двухстах начиналась дорога, ведущая по склону к «Канэмасе». Там-то люди и толпились. Их собрала вокруг себя женщина лет шестидесяти. Она что-то негодуяще вещала с лихорадочным блеском в глазах. Остальные прохожие держались от странной группы чуть поодаль и смотрели на женщину неприязненно. Среди них Юки узнал Тасиро и окликнул его:

— Тасиро! Что за шум?

— О! — Хозяин книжной лавки с горькой усмешкой кивнул на старуху в центре толпы. — Это Икуми Ито. Опасная женщина. Или, скорее, фанатичная?..

Юки невольно перевел взгляд на ораторшу. И впрямь — в ней чувствовалась одержимость.

— Говорит, это Кирисики виноваты, что в деревне столько смертей.

У Юки в груди больно кольнуло. Он вспомнил сына, спящего в дальней комнате дома.

— Что якобы они неупокойные и демоны.

— Что за глупости...

— Не то слово! Удивительно, что кто-то еще в них верит, — рассмеялся Тасиро. Только чересчур уж бодро, даже натянуто. Юки с Адзусой тоже посмеялись, но ничуть не веселее.

Икуми вопила. О том, что «Канэмаса» — логово демонов. Что деревня проклята с тех самых пор, как они сюда приехали. Что новые жители похожи на людей, но на самом деле они мертвецы. И она это докажет, и надо будет всем вместе прогнать их из деревни. Тогда несчастья прекратятся. Больные излечатся, а врач и священник ничего не могут, ничего не понимают и не хотят понять. Женщина практически билась в истерику.

— По-моему, Икуми первая сейчас свалится. Она от торгового квартала в таком состоянии марширует.

Юки усмехнулся:

— А что за ней за толпа собралась? Они же не...

— Нет, никто не принимает ее бред за чистую монету, — покачал головой Тасиро. — Всем просто интересно поглазеть, чем это все закончится. Ну лично я здесь именно поэтому.

— Ох...

«Поглазеть» — это, кажется, не самое безобидное слово. По всему выходило, что Икуми агитирует людей выкурить семейство Кирисики из дома и провести допрос с пристрастием.

Тасиро будто прочитал мысли Юки и тихо объяснил:

— Я думаю, лучше пойти за ней. Проследим, чтобы она чего-нибудь не отколола... Я понятия не имею, что она выкинет.

— Ага, — пробормотал в ответ Юки.

— Тоже пойдешь? — спросила Адзуса.

— Пойду... Думаю, лучше сходить. Я согласен: такие люди опасны.

Разумеется, никаких «неупокойников» не бывает. Это все...
«Хамая...»

...просто суеверия. Хиросава уже объяснил: они родились...
«Крест...»

...как метафора эпидемии.

Юки сам не заметил, как напрягся. Такого, конечно, не бывает.

— Хватит языком молоть, идем уже! — подначил кто-то из толпы.

— А ты не подбивай. А то старушка совсем спятит.

— Может, позвать доктора Одзаки? Тут бы врач не помешал.

Люди смеялись, но, как и Тасиро с Юки, преувеличенно беззаботно. И пусть все шутили и подзуживали Икуми, чувствовалось, что люди напряжены. Если совсем честно, то точно так же чувствовал себя и Юки.

Икуми злобно зыркнула на главных шутников:

— Скоро узнаете, кто прав!

С этими словами она перевела взгляд на вершину склона. Прищурилась и тронулась в путь. Толпа расступилась. Половина людей осталась стоять и провожать Икуми глазами, половина потащилась за ней. Кто-то крикнул, что дело намечается серьезное и нужно сообщить совету трех глав. Тасиро с Юки переглянулись и с невеселыми лицами присоединились к процессии, восходящей к особняку.

4

Икуми вмиг взобралась на самый верх. Судьба деревни в ее и только в ее руках. Она точно знала, что отныне никто не посмеет над ней смеяться.

Ворота, как всегда, заперли наглухо. Чем не доказательство, что что-то у них там нечисто? Иначе чего запираются? Стену, белеющую в солнечных лучах, дополнительно укрепляла металлическая изгородь. Тем явственней Икуми чувствовала, что если не найти в их защите брешь, то все будет кончено.